

Тем временем Ли Чжэнь наблюдала, как во двор семьи Тянь один за другим заходят жители деревни: кто приносил овощи, кто крупу. Все улыбались искренне, но с лёгкой неловкостью.

Хэ Бянь лишь равнодушно взглянул и указал на корзину под навесом. Люди тут же поспешили сложить туда принесённое. На прощание каждый говорил: если захочется чего-нибудь поесть — пусть только скажет, всё, что есть в доме, обязательно принесут.

Ли Чжэнь заметила, что Хэ Бянь не проявляет особой благодарности. В её глазах мелькнуло сомнение, но спрашивать она не стала, лишь сказала:

«Сынок, если не хочешь — не бери это. У нас дома каждый день мясо, я обязательно откормлю тебя как следует. Когда ты был маленьким, у тебя на внутренней стороне бедра остался шрам — ты тогда, почуяв запах мяса у повара, сам полез к очагу и обжёгся кипятком. К счастью, рана была небольшая — остался только красный след размером с большой палец. При людях я не могла этого сказать, но теперь можно... Хэ Бянь, ты правда мой сын. Эти проклятые... не знаю, сколько раз тебя уже обманывали».

С этими словами она бросилась к нему. На этот раз Хэ Бянь не стал уклоняться.

В груди у него всё замерло, глаза вдруг зашипало. Значит... его действительно не бросали и не продавали?

Значит... он правда... не был отвергнут?

Перед глазами всё поплыло. Он моргнул, чувствуя неловкость в объятиях этой незнакомой женщины, и мягко высвободился, тихо сказал:

«Не думай, что, сказав это, ты избавишься от моей обиды».

Ли Чжэнь уловила в его словах смягчение и едва не расплакалась от радости. Она потянулась было взять его за руку, но Хэ Бянь отступил на шаг — всё ещё скованный и настороженный.

Ли Чжэнь лишь радостно улыбнулась:

«Ничего, ничего. Теперь мама обязательно купит тебе хорошую одежду, и есть ты будешь только самое лучшее!»

Хэ Бянь опустил голову, долго теребил пальцы в ладонях. Сильно сведённые брови постепенно разгладились, и он неловко произнёс:

«Я... на самом деле не виню тебя. Эти годы тебе тоже было тяжело. Это я... заставил тебя страдать».

«Ах, ах, ах!» - Ли Чжэнь так обрадовалась, что глаза её засияли.

Заметив, что в комнате они остались одни, она тихо спросила:

«А тот мужчина рядом с тобой... кто он?»

Она давно хотела это спросить — видя, как сильно Хэ Бянь ему доверяет и полагается на него, но всё не решалась.

Хэ Бянь, что бывало с ним редко, замялся — Ли Чжэнь не расслышала.

«Это... мой старший брат».

Ли Чжэнь облегчённо вздохнула:

«У тебя с детства уже есть помолвка — сын хозяина книжной лавки. Вернёшься — сможете пожениться. За эти годы он относился ко мне как к родной матери, много помогал нашей семье, да и сам статный».

Она помолчала и добавила:

«Я вижу, ты сильно привязан к этому "брату". Но если взять его с собой, это может повредить твоей репутации и помешать браку».

Ещё мгновение назад смущённый, Хэ Бянь вдруг резко вскинул голову:

«К чёрту этот брак! Моим мужчиной может быть только он!»

Ли Чжэнь встревожилась:

«Глупый ребёнок, мама ведь ради твоего же блага говорит. Я уже слышала — он ведь дурачок, как он может быть тебе парой, когда ты теперь господский сын? Сейчас у тебя просто нет опоры, вот ты и принимаешь зависимость за чувства. Когда вернёшься к нормальной жизни... если ты всё ещё будешь его любить, мама пошлёт за ним людей и привезёт его. Заодно и проверим его намерения — действительно ли он хранит тебе верность и не захочет жениться ни на ком, кроме тебя. Тот молодой господин, с которым тебя обручили, как раз такой же. Разве он не сможет поступить так же?»

Глаза Хэ Бяня дрогнули — её слова казались разумными, и он невольно замолчал.

Увидев, что он задумался, Ли Чжэнь заметно повеселела.

Хэ Бянь предложил ей отдохнуть, ведь дорога в деревню была утомительной, а когда еда будет готова, он её позовёт.

Выйдя из комнаты, он направился на кухню, где Чжоу Ци готовился нарезать курицу. Хэ Бянь потянул его за собой через заднюю дверь. Они остановились под навесом за домом: позади был лесной склон, по сторонам — залитые водой поля. Вокруг никого не было, но у Хэ Бяня сердце всё равно билось как сумасшедшее — слова давались с трудом.

«Похоже... она и правда моя мать» - сказал он. «Многое совпадает. Как думаешь... мне стоит её признать?»

Чжоу Ци посмотрел на него. Хотя Хэ Бянь спрашивал, в его взгляде скрывались тревога и тихое ожидание.

«А как ты сам это определил?» - спросил он.

Хэ Бянь не ответил, а вместо этого сказал:

«Она говорит, что после возвращения уже устроила мне помолвку... Так мне признавать её или нет?»

Пока он говорил, его голова всё ниже склонялась, но вдруг он выпрямился и поднял взгляд на Чжоу Ци. При этом затылок задел глиняную стену, и Чжоу Ци подставил ладонь ему под

голову. Их взгляды неизбежно встретились.

Сердце Хэ Бяня словно выплеснулось прямо в глаза.

У Чжоу Ци мысли тоже спутались — он редко бывал в таком замешательстве. Он долго молчал.

Не в силах смотреть, как в глазах Хэ Бяня постепенно проступает разочарование и собираются слёзы, он тихо сказал:

«Сяобао... я не знаю. Я не могу разобраться».

Перед глазами Хэ Бяня всё сразу поплыло. Его подбородок задрожал:

«Плохой ты... обманщик!»

Взгляд Чжоу Ци на мгновение метнулся, затем снова стал спокойным, почти отстранённым:

«Если человек раньше совсем не понимал чувств, а потом вдруг его жизнь резко меняется... В его чистое, как лист бумаги, сердце разом хлынут сильные эмоции — привязанность, доверие, а ещё мелкие расчёты и использование. Он понимает, что сладкие слова — это обман, но, не имея опыта чувств, воспринимает всё с любопытством и принимает как новое. А когда привыкает — сталкивается с ещё более сложными переживаниями. Такой человек нестабилен, у него нет цельного опыта чувств, поэтому он не может дать точного ответа».

Хэ Бянь слушал, не до конца понимая, широко раскрыв глаза. В них дрожали слёзы — он сдерживался изо всех сил.

Чжоу Ци продолжил:

«Это я. Раньше я был дураком. Только встретив тебя, понял, сколько у людей бывает чувств. Я не отвергаю ни одно из них — я хочу всё это испытать».

Глаза Хэ Бяня начали болеть от напряжения. Он моргнул — и слеза скатилась по краю:

«Значит... если кто-то другой даст тебе всё это, ты точно так же это примешь?»

Дыхание Чжоу Ци на мгновение сбилось. Его обычно спокойные губы едва заметно дрогнули, в груди впервые возникло странное чувство тяжести:

«Нет. Чужие чувства не находят во мне отклика. До встречи с тобой я встречал многих».

Он говорил это, но, увидев, что Хэ Бянь всё равно плачет, почувствовал, как в груди становится всё теснее. Чжоу Ци притянул его в объятия — и только тогда ему стало легче, спокойнее.

«Ай...» - он опустил взгляд: в его запястье впились ровные белые зубы.

Во взгляде Хэ Бяня вспыхнула злость:

«Бесстыдник... убирайся!»

Он отпустил руку, губы его были напряжены, будто готовые к новой атаке. Чжоу Ци раньше не обращал внимания на его рот, но сейчас не мог не заметить.

Губы Хэ Бяня от природы были слегка изогнуты, но обычно он сжимал их настороженно.

Линия губ была чёткой, нижняя — чуть полнее. От недавнего укуса они налились кровью, стали розовыми, влажными, а на верхней губе выделялась маленькая ямочка — казалось, они мягкие и упругие.

Чжоу Ци лишь мельком взглянул и тут же отвёл глаза, но краем зрения заметил, что Хэ Бянь разозлился ещё сильнее. А у него самого невольно дёрнулось горло.

«Хорошо, молчи! Теперь даже смотреть на меня не хочешь! Тогда я прямо сейчас пойду с ней — вернусь и выйду замуж!»

Хэ Бянь с силой ударил Чжоу Ци в грудь и развернулся, чтобы уйти, но тот схватил его за руку.

Хэ Бянь почувствовал, как Чжоу Ци резко и крепко схватил его — так, что потянуло руку, заболело запястье. Но где-то в глубине души невольно поднялось тёплое чувство.

И вдруг Чжоу Ци отпустил его и сказал:

«Я разобрался. Боюсь только, что ты ещё нет».

Хэ Бянь подумал было, что тот удержал его, чтобы сказать что-то важное... а оказалось вот что. Он чуть не расплакался от досады:

«Убирайся, я тебя ненавижу!»

Он только договорил, как грубая ладонь закрыла ему рот. Хэ Бянь упрямо уставился на Чжоу Ци, а тот тихо сказал:

«Не ненавижь меня. Иначе у меня в груди становится тяжело».

Сказав это, Чжоу Ци убрал руку. Хэ Бяню вдруг показалось, будто его губы всё ещё помнят прикосновение той ладони — будто их слегка прижали... Или это просто показалось? Он подозрительно посмотрел на Чжоу Ци, а затем глаза его широко раскрылись:

«У тебя... у тебя уши покраснели!»

Чжоу Ци поднял взгляд к небу. Ладонь всё ещё горела — мягкое, упругое ощущение будто оставалось в ней, слегка отдаваясь волнами.

Он заметил, как в глазах Хэ Бяня вновь вспыхнуло оживление — будто тот ухватился за что-то. Только что были и злость, и слёзы — и всё исчезло. Молодость: всё в нём было ярким и мгновенным.

Его ещё детские губы бросали резкие слова, а ясные, чистые глаза словно сами выдавали скрытое в сердце желание — он не умел его прятать.

«Так ты хочешь, чтобы я ушёл с ней или нет?»

Хэ Бянь смотрел на него с ожиданием.

Чжоу Ци заметил, какие у него длинные тёмные ресницы, чуть округлые миндалевидные глаза. В их чистой янтарной глубине, словно в озёрной воде, мерцали искры при каждом движении.

«Ну скажи уже...» - пробормотал Хэ Бянь.

Взгляд Чжоу Ци снова скользнул к его губам, затем он чуть отвернулся, словно глядя мимо, и тихо сказал:

«Нет».

Хэ Бянь тут же расплылся в улыбке:

«Ты просто боишься, что я уйду и брошу тебя здесь».

Чжоу Ци беспомощно посмотрел на него: в душе у того всё ещё кипели и обида, и злость — а он при этом делал вид, будто всё под контролем, словно уже взрослый.

Чжоу Ци сказал:

«Почему ты тайком пошёл к старухе У и просил её связаться с теми перекупщиками, с которыми она раньше имела дело?»

«Так ты обо мне так заботишься... ещё и следил за мной» - довольно протянул Хэ Бянь.

Ладонь Чжоу Ци всё ещё слегка покалывало. Он посмотрел на склонённую к его груди голову и не удержался — погладил её:

«Сяобао, если у тебя что-то есть — не носи всё в одиночку. Говори мне».

Хэ Бянь отвернул голову, не давая себя трогать, и хотел отступить:

«Только что говорил, что я ещё молодой, непостоянный, незрелый, а теперь хочешь, чтобы я больше на тебя полагался. Сам себе противоречишь».

Он только сделал шаг назад, как Чжоу Ци обнял его за плечи — так же, как раньше обнимал младшего.

Хэ Бянь остался недоволен, надул губы, явно считая Чжоу Ци слишком прямолинейным.

И вдруг по спине пробежала лёгкая дрожь: рука, лежавшая на его плечах, медленно соскользнула к талии.

Большая ладонь сжалась на его поясе. То ли рука Чжоу Ци была слишком горячей, то ли жар поднялся изнутри — волна тепла стремительно разлилась по телу, и Хэ Бянь невольно прижался к нему.

Такая тесная близость, без малейшего расстояния, заставила его растеряться — сердце билось так, будто вот-вот вырвется наружу. Он невольно приподнялся на носках, лишь бы грудью не касаться так близко.

Он напряжённо стоял, глядя на Чжоу Ци.

Тот смотрел прямо на него — пристально, изучающе. Этот взгляд заставлял спину покрываться холодом, почти пробирал до мурашек, и одновременно в нём было тепло, от которого можно было утонуть.

«Ничего страшного» - сказал Чжоу Ци. «Даже если ты непостоянный... ты всё равно никуда от меня не уйдёшь».

Сказав это, он, глядя на растерянного и будто ошеломлённого Хэ Бяня, просто притянул его в объятия.

И тихо, почти с облегчением, выдохнул.

Оказывается, с того самого момента, как он впервые открыл глаза в этом чужом мире и увидел Хэ Бяня, в нём уже был выжжен след — след, принадлежащий только Хэ Бяню.

Он привык стоять в стороне, наблюдая за всем с холодной высоты, оценивая и анализируя. Радости и печали людей, встречи и расставания, рождение и смерть, увядание и расцвет — для него всё это было одинаково. Как у травы и деревьев: бессмысленная борьба, которая в конце концов всё равно закончится исчезновением.

Но теперь он оказался внутри этого мира.

И только теперь понял: у каждого чувства есть своя особая, неповторимая красота.

<http://bllate.org/book/17226/1621068>